



Сергей
Шаповалов

Император

Книга четвертая

«Александр»



16+

Сергей Шаповалов

**Император. Книга
четвертая. Александр**

«Автор»

2020

Шаповалов С. А.

Император. Книга четвертая. Александр / С. А. Шаповалов —
«Автор», 2020

ISBN 978-5-532-93131-2

Одна из трагичных страниц в истории России. В четвертой части романа "Император" повествуется о подготовке заговора против Императора Павла, его свержении и воцарении Александра Первого.

ISBN 978-5-532-93131-2

© Шаповалов С. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Петербург	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Шаповалов

Император. Книга четвертая. Александр

Петербург

К заставе подъехали к десяти вечера, уже в полной темноте. Шлагбаум был опущен. Чадил смоляной факел, больше давая дыма, чем света. В деревянной полосатой будке дремал часовой. Неподалёку низенький караульный домик из бурого кирпича. Маленькие запylённые окошки слабо светились. Подальше у обочины стоял дощатый трактир, из которого исходил дух щей и свежего хлеба. Почтовая станция с конюшней лепилась к трактиру.

– Стой! – скомандовал солдат, выйдя из полосатой будки. – Кто едет?

Тут же в дверях караульного домика показался унтер-офицер. Фукс высунулся из окна кареты.

– Генералиссимус Суворов, – сказал он.

Унтер-офицер обернулся и крикнул внутрь караульного домика:

– Генералиссимус!

Дверь, распахнулась настежь, чуть не слетев с петель. Гулко стукнулась о стену. Унтер-офицера едва не опрокинули на землю. Человек двадцать офицеров выбежали из домика и окружили карету.

– Вы с ума сошли, господа! – зашипел на них Фукс. – Кто вам позволил встречать князя? Сами наказаны будете, да еще на светлейшего гнев накликаете. Вы же прекрасно знаете об указе императора.

– Простите, но честь нам не позволяет не встретить генералиссимуса, – оправдывались офицеры.

– Господа, светлейший без сознания. Оставьте, – умолял их Фукс.

– Хоть одним глазком взглянуть, – просили офицеры.

– Не тревожьте князя, – просил Фукс. – И без того еле живым довели. Ему покой нужен, а не ваши виваты.

Шлагбаум взвился вверх. Усталые лошади повлекли карету с больным генералиссимусом в город. Офицеры выстроились по обе стороны дороги, отдавая честь. Затем кликнули ординарцев, которые прятали коней в небольшой рожице за трактиром. Вскоре все тихо разъехались. Вот и вся триумфальная встреча.

Один я остался стоять на дороге. Солдат не спеша опустил шлагбаум и спрятался обратно в полосатой будке. Унтер-офицер помялся. Хотел было мне предложить погреться в караульном домике, но не решился. Ушёл.

Неужели я вернулся? – не верилось мне. – Всего в миле от меня Петербург. Как странно, я уезжал два года назад, имея при себе одну лишь шпагу. Теперь возвращаюсь с тем же богатством. А что там в Петербурге? Кто меня ждёт? Аракчеев? Опять штабная рутина: возня с бумагами, разъезды по городу, скудный ужин в ближайшей харчевне и холодная постель в съёмном клоповнике... В редкие выходные – сборище друзей с попойкой и возможный отдых на гауптвахте.

Софья! – как будто кто-то крикнул в глубине души. Софья? С чего бы? Зачем я ей? Давно забыт...

– Ваше благородие! – окликнул меня мой новый ординарец. – Скоро к ночи.

Действительно, надо ехать. Не торчать же мне здесь до рассвета. Доберусь в казармы, отрапортую дежурному офицеру, получу место для ночлега. Нет! Все же надо сперва побывать у Аракчеева. Сделать доклад. Заодно потребовать ответа за дурацкое поручение, касаемо

Великого князя Константина. А еще добиться через Аракчеева аудиенции у императора. Время позднее, но генерал-губернатор, бывало, засиживался далеко за полночь.

Я взглянул на дорогу, ведущую в Петербург. Голые деревья по обочинам, не просыхающая колея, разбитая сотнями колёс, кучки лошадиного навоза...

Как-то тоскливо стало на душе. Все же, что меня ожидает?

Хотел уже было тронуть коня, как к караульному домику со стороны города подъехала изящная карета. Герба на двери я не разглядел. Четвёрка отличных коней запряжена цугом. Лакей соскочил с задка, опустил ступеньку и открыл дверцу. Из кареты, осторожно ступая, вышла дама в соборной шубке. На груди меховая муфточка, куда она прятала руки.

Странно было видеть в столь поздний час на городской заставе благородную женщину в сопровождении всего лишь кучера и лакея. Видать важное дело привело её сюда. Она огляделась, заметила меня. Вдруг сделала несколько торопливых шагов в мою сторону и замерла в нерешительности...

Она же сейчас испачкает подол шубки, – подумал я. Кругом апрельская грязь. Какое-то смутное предчувствие горячей волной поднялось в груди. Что-то знакомое было в её облике. Я, не осознавая, что делаю, спрыгнул на землю и зашагал навстречу, прямо по лужам. Мы остановились на расстоянии вытянутой руки. В скудных отблесках факела я разглядел красивое гордое лицо юной девушки. Знакомые черты... До боли знакомые...

– Семён? – сказала она или спросила, как бы не веря.

– Господи! Софья! – вырвалось у меня.

Глаза её заблестели, и по щекам потекли слезы. Она вынула руки из муфточки и протянула мне. Я схватил маленькие мягкие, ладошки. Даже под шёлковыми перчатками почувствовал жар.

– Тише, Семён, тише, – умоляла она.

– Откуда вы здесь? – Я поцеловал её пальчики, унизанные тонкими колечками.

Софья подошла еще ближе и прошептала:

– Я хотела вас увидеть.

– Меня? – изумился я и слегка растерялся.

– Да! Кого же ещё? – разозлилась она, словно сестра на глупого младшего брата.

Она прильнула к моей груди. Я обнял её за плечи. Пушистый мех щекотал мне лицо. Я не верил! Софья! Моя Софья!

– От вас ужасно пахнет порохом. – Она неуловимым движением выскользнула из моих объятий. Поморщила носик. – Пойдёмте же скорее в карету. Меня не должны видеть одну, да еще так поздно.

Софья крепко схватила меня за руку и потащила за собой.

– Как же вы решились приехать сюда, так поздно? – спросил я, когда карета, мягко покачиваясь, катила по дороге. – Неужели из-за меня?

– До чего же вы глупый, – задумчиво произнесла она. – Вы все прекрасно понимаете и задаёте ненужные вопросы.

Я почувствовал, как щеки мои начинают гореть.

– Простите, – буркнул я. Её пальцы крепко сжала мою ладонь. Надо было бы продолжить разговор, но я не знал с чего начать. Как-то все странно и неожиданно.

Я осмотрел карету. Дорогая обивка. Шторки с кисеёй. Мягкие диваны.

– Не удивляйтесь, – поняла мои мысли Софья. – Моя матушка нынче в звании гофмейстерины двора Великого князя Александра. Меня назначили фрейлиной к его супруге, Елизавете Алексеевне.

– Фрейлиной? – удивился я. – И вы снизошли до простого лейтенанта.

– Что в этом удивительного? – фыркнула она. – Екатерина Великая тоже снисходила до простых лейтенантов. Но расскажите мне о себе. Где вы так долго странствовали?

– Ох, и длинная получится история, – усмехнулся я. – Недели не хватит, чтобы поведать обо всех моих приключениях.

– Обязательно потом мне все расскажите, – потребовала она. – Но, слава Богу, что вы живы и здоровы. Я молилась за вас...

Её пальчики еще сильнее стиснули мою ладонь.

– Даже не знаю, как вас благодарить? – пролепетал я что-то невнятное.

Между тем, колёса застучали по булыжникам. Мы въехали в город. За каретой скакал ординарец, ведя в поводу мою лошадь.

– Мне нужно в штаб, – вспомнил я.

– В штаб? Так поздно? Да, конечно, – кивнула она, и в голосе её прозвучали грустные нотки. – Я вас высажу у входа. Мне сейчас влетит, за то, что я без разрешения покинула дворец.

– Не стоило так из-за меня рисковать.

В ответ я получил насмешливый взгляд. Её лицо с озорными глазами оказалось совсем рядом.

– Вот еще! Хочу – и рискую.

Карета остановилась. Софья нехотя разжала пальцы, выпуская мою руку.

– Прощайте, – прошептала она.

– До скорой встречи, – ответил я.

Она еще хотела что-то сказать, но лакей захлопнул дверцу, и карета покатила дальше.

Я приказал ординарцу отправляться в казармы, а лошадь мою отвести в полковую конюшню.

– Как же вы потом в ночи доберётесь? – забеспокоился он.

– Ничего, дойду. Здесь недалеко.

Вокруг было тихо, темно и пустынно. Но, несмотря на позднее время, в штабе еще светились окна. Работает Алексей Андреевич, с уважением подумал я. Вспомнил, как он засиживался до полуночи и меня не отпускал, пока со всеми делами не разберётся. Я поднялся по знакомой лестнице, к знакомому кабинету. За столом дежурного адъютанта сидел молодой офицер. Раньше его никогда не встречал.

– лейтенант Добров, – отрапортовал я.

– Зачем вы пришли так поздно? Генерал-губернатор уже не принимают, – ответил холодно адъютант, даже не взглянув в мою сторону. Меня это взбесило. Что значит: «не принимают»? Я что – проситель?

– Потрудитесь встать и доложить о моем приходе, – жёстко потребовал я.

Адъютант оторвался от бумаг, посмотрел на меня с удивлением и надменно сказал:

– Вам же доложили, что генерал-губернатор не принимают. Извольте прийти завтра.

– Прошу не указывать, что мне делать! – Я повысил голос. Этот сопляк еще будет мне перечить. – Немедленно доложите обо мне генерал-губернатору.

– Я вызову караул! – пригрозил он.

– Что? – вспыхнул я, и рука невольно потянулась к эфесу шпаги. Что за наглость? Я мог к Аракчееву входить в любое время без всяких церемоний. А этот желторотик угрожать мне вздумал. – Вызывайте!

В это время дверь в кабинет приоткрылась.

– Что за шум? – спросил человек, показавшийся на пороге. – Добров! – радостно воскликнул он. – Чертыга! Вы ли это? А, ну, подите-ка сюда!

Я оказался в крепких объятиях графа Никиты Панина.

– А возмужал-то как! И порохом весь пропах. Заходите. – Я не успел опомниться от неожиданной встречи, а он уже впихнул меня в кабинет.

Сказать, что я сильно удивился – ничего не сказать. Я был ошеломлён! За широким столом, покрытым зелёным сукном, в кресле Аракчеева восседал фон Пален. Безупречный парик,

безупречный зелёный сюртук из-под которого выглядывал ворот безупречно белой блузы. Уловив на моем лице полную растерянность, он громко рассмеялся, поднялся, подошёл ко мне и дружески обнял за плечи.

– Да, Добров, такие, вот, дела. Я, фон Пален, нынче военный губернатор Петербурга.

– А где Алексей Андреевич? – выдавил я из себя.

– Ох, не простая это история, – покачал головой фон Пален и вернулся на прежнее место.

– Алексей Андреевич нынче в опале, – прост объяснил Панин и добавил: – Впрочем, и я нынче в опале. Нахожусь в Петербурге нелегально. Вот, на часок заскочил к Петру Алексеевичу.

И они оба добродушно рассмеялись.

– А вы прямо с дороги? – фон Пален взял в руки перо, положил перед собой лист гербовой бумаги. – Не желаете стакан лафиту? У меня отличное вино из Бордо.

– Нет, спасибо, – отказался я. Последний раз ел рано утром, и после стакана лафиту на голодный желудок меня бы развезло.

– Я напишу распоряжение, чтобы вам выделили квартиру и денежное пособие. Вы не состоите ни в какой масонской ложе? – серьёзно спросил фон Пален.

– Нет, – растерянно ответил я.

– Вот и хорошо. А то, знаете, по нынешним порядкам, прежде чем получить деньги, надо подписать заявление, что вы не состоите ни в каких тайных организациях. Это правильно, что вы ко мне заглянули, хотя и так поздно. Кстати, а почему вы пришли в столь неурочный час? Срочное дело было к Аракчееву?

– Мне надо добиться аудиенции императора, – сказал я.

Фон Пален прекратил писать и строго спросил:

– Зачем?

– Я хочу просить за Суворова. Генералиссимусу обещали триумфальную встречу. Он заслужил. Он освободил Италию. Он спас армию...

Повисло молчание. Панин прокашлялся, но ничего не сказал, подошёл к окну и уставился в темноту.

– Послушайте, Семён, – осторожно начал фон Пален. – Вы уезжали из одной России, вернулись совсем в другую. Нынче очень важно следить за своими словами и своими поступками. За одну неверно произнесённую фразу, даже случайно, не по злему умыслу, можно оказаться в Сибири или того хуже...

– Я должен поговорить с императором, – стоял я на своём.

Фон Пален почесал свой римский благородный нос, собираясь с мыслями.

– О Суворове? А поймёт ли вас император?

– Почему он не должен меня понять?

– Как бы вам объяснить, Добров... Вы Павла Петровича хорошо знали? Его странные поступки, его неуравновешенный характер?

– Я знал его, как благородного, умнейшего человека. Он мог вспылить, но всегда руководствовался здравым смыслом.

Панин и фон Пален коротко переглянулись.

– Посмотрите, вот! – Фон Пален достал из ящика стола белый конверт с Российским гербом. – Я должен отправить с курьером это письмо первому консулу Франции, Наполеону Бонапарту. Письмо от Павла Петровича. В нем он вызывает Наполеона на дуэль. Наполеона! На поединок! Как вам новость?

– Не может быть, – не поверил я. – Что за глупость?

– Может, – вздохнул фон Пален, бросив конверт обратно в ящик. – Я же вам объясняю: другая Россия, и император – другой. Впрочем, я вас предупредил. Если желаете, завтра

попрошу, чтобы он вас принял. Вам Павел Петрович не откажет. Великий князь Константин уж очень тепло о вас отзывался. Кстати, почему до сих пор вы в лейтенантах?

– Да уж выпишите ему патент капитана, – предложил Панин.

– По его заслугам, я просто обязан это сделать! – согласился фон Пален. – И деньги на мундир получите. Непонятно, что у вас за форма. Патруль остановит, попадёте на гауптвахту за нарушение устава. И вот, что, господа, – он изобразил улыбку. – Давайте, как в старые времена, сойдёмся у меня за поздним ужином. Семён, вы ни в какие казармы не пойдёте сегодня. Найдётся для вас уголок в моём скромном доме. Все! Решено!

Скромным домом оказался просторный дворец на углу Невского и набережной Мойки. Карета генерал-губернатора остановилась у резных дверей. Вход охраняли гранитные львы. Лакеи бросились помогать выйти нам из кареты.

– Вот этого юношу – в мыльню, – распорядился фон Пален насчёт меня. – Всю его одежду сожгите и подберите новое платье.

– Не стоит так обо мне заботиться, – попытался сопротивляться я.

– Мой юный друг, кто о вас еще позаботится? – изобразил змеиную улыбку хозяин дома.

Меня провели в подвал, где располагалась мыльня, запихнули в большую лохань с горячей водой и долго скоблили распаренным лыком. Новая чистая рубашка, белая в тонкую чёрную полоску, приятно охладило тело. Мне подали красивый бархатный сюртук с золотым шитьём и двумя рядами блестящих пуговиц. Но я от него отказался. Уж очень мне он показался нарядным. Попросил принести мой старый мундир.

– Надеюсь, вы его не успели сжечь? – спросил я грозно у лакея.

– Нет. Его вычистили и отпарили.

Парик без вшей, надушенный и присыпанный пудрой, а не мукой, пришёлся как раз к моей голове.

Меня провели на второй этаж в просторный зал, сияющий люстрами. Винные пары ударили в нос, запах копчёного мяса и свежих салатов. Играла музыка. Мужчины в военной форме и штатском платье вели приятные беседы, чокаясь тонкими бокалами. Дамы весело щебетали, обмахиваясь пёстрыми веерами.

– Господа! – громко сказал фон Пален. – Десять часов вечера!

Тут же лакеи задёрнули тяжёлые шторы на окнах. Половина свечей на люстрах затушили, оставляя в зале приглушённый свет. Музыканты заиграли тише.

– Всё никак не привыкну к новым порядкам, – пожаловался толстый чиновник другому. – Ложиться надо рано, вставать – чуть свет. Немцам таков порядок в пору, а русскому человеку нужна свобода.

– Да, уж! – согласился его собеседник. – Даже в доме генерал-губернатора не чувствуешь себя спокойно.

Среди присутствующих я заметил знакомую плотную фигуру в мундире полного адмирала. Гордое смуглое лицо с крупным горбатым носом и полными губами. Горящий взгляд темных глаз под густыми бровями. Присущее всем испанцам привычка жестиковать во время разговора. Я подошёл к адмиралу:

– Здравие желаю, Иосиф Михайлович.

Де Рибас удивлённо вскинул брови.

– Чтоб меня черти съели и не подавились! Добров! Живой! Дайка я тебя осмотрю! Ноги целы! Руки на месте! И голова без дырок! Да вы возмужали! Вот, так, так! Я слышал краем уха, с Ушаковым острова брали?

– Да, участвовал, – признался я, стараясь скрыть гордыню.

– А потом где пропадали?

– По Европе путешествовал, – нехотя ответил я. – А вы в высокой должности? Поздравляю.

– Ох, уж мне эти должности. Вот, помнишь тогда, нас с генералом Волланом призвали в Петербург. Да вы, как раз, рескрипт и привезли. Клязу на нас настроил Бердяев, губернатор Новороссии, якобы мы с Яковом Павловичем де Волланом воруем на строительстве города.

– Помню, как же.

– Думал – все! Проведу остатки дней своих в Петропавловской крепости. Предстал перед императором. Выложил ему всю правду... Чист я! Какое воровство? Свои кровные порой приходится вкладывать. Он меня раз – и в рыцари произвёл, в эти, в мальтийские. – Де Рибас с гордостью показал белый эмалированный крест в петлице сюртука. – Но самое главное: назначил управляющим лесным департаментом. Трудился я не покладая рук. По всей России колесил. Все лесозаготовки объездил. Представьте, и тут нашлись завистники. И тут меня оболгали. Обвинили в растратах, в воровстве... Попал в опалу. Но правда восторжествовала! – Он многозначительно потряс над головой указательным пальцем. – Ничего против меня не смогли выдвинуть. Вновь был призван императором на службу. Нынче я занимаюсь укреплением Кронштадта.

– А что с Одессой? – поинтересовался я.

– Что с Одессой? – не понял де Рибас. – Ничего с Одессой. Строится. Летом нынче думаю туда съездить.

– Но, помните, я же привёз распоряжение о прекращении строительства.

– Ах, да, да, – замахал он руками, как птица, пытающаяся взлететь. – Тут такая история вышла! Собралась магистратура, да все купцы. Написали письмо директору одесской таможни Кирьякову Михаилу Михайловичу. Он ко мне. Михаил Михайлович как раз в ту пору в Петербурге был. Начали думать, чем помочь. И тут вспомнил: уж очень Павел Петрович любит апельсины. В Петербург их англичане завозят и продают по огромной цене. А у нас ими греки торгуют точно репой. Да цена смешная, что пуд бычков, что пуд апельсинов. Мы в Одессу письмо ответное написали: достаньте апельсины, во что бы то ни стало. Представляете, Добров, первое же судно, прибывшее с апельсинами, было скуплено нашими торговцами. Погрузили фрукт на телеги, укрыли перинами и одеялами пуховыми, чтобы не помёрзли, и – в дорогу. День и ночь ехали без остановок. Унтер-офицер Раксамити довёл обоз за три недели до Петербурга. Императору внесли в огромных корзинах всю эту ароматную солнечную прелесть. Он как воскликнет: Как? Откуда? В феврале померанцы! Ему докладывает Раксамити, мол, у нас их девать некуда, чуть ли не вилами разгружаем. А там и другого товара полно: кофе из Турции, специи из Азии, шёлк из Китая... Император тут же подписал указ: выделить четверть миллиона рублей на продолжение строительства города.

– Ох, Семён, вы опять в старом мундире, – посетовал фон Пален, бесшумно подойдя сзади.

– Простите. Никак не могу отвыкнуть, – извинился я.

– А может и к лучшему, – согласился губернатор Петербурга и обратился к залу: – Господа, хочу представить вам героя штурма Корфу, героя Швейцарского похода нашей армии, капитана Доброва. Не смотрите, что он еще молод. Он – настоящий ветеран и может нам поведать леденящие душу истории о морских сражениях за острова и баталиях в заснеженных перевалах Альп.

Меня тут же окружила толпа. Все жали мне руку, поздравляли, восхищались, спрашивали о чем-то. Я отвечал, иногда невпопад. Чувствовал, что щёки мои пылают. Неуклюже целовал дамам тонкие ручки в шёлковых перчатках.

Немного расстроился, что среди присутствующих я не увидел Сони. Без неё мне зал казался наполовину пуст. Всё ждал, что она вдруг появится, лёгкая, весёлая, с блестящими глазами... Напрасно.

Меня брали под локоть статные генералы, просили поведать в подробностях о том или ином боевом эпизоде. Неожиданно столкнулся взглядом с генералом Беннигсеном. Жёстким, холодным взглядом. Но он быстро протянул мне руку со словами:

– Забудем старое. Вы теперь другой, и я нынче иных взглядов.

– Поверьте, я не думал поступать подло, – смутился я.

– Ах, оставьте, – махнул он рукой. – Всем давно известно, как Аракчеев подставил вас. Ведь вы могли тогда погибнуть. А император меня милостиво простил. Видите, я вновь на службе.

Попался мне и майор от артиллерии Яшвиль.

– Вы знаете: моя ложа в театре всегда для вас открыта.

Я поблагодарил майора.

– Такое впечатление, что вы кого-то ищите, – сказал подошедший Никита Панин. – Ах, понимаю, – хитро улыбнулся он. – У фрейлин очень насыщенный день, а вечера – так просто ужас. Но вы не переживайте. Скоро станете майором – и для вас будут открыты все высокие дома Петербурга. И фрейлину свою забудете. Шучу! Шучу! – он усмехнулся. – Не смотрите на меня таким огненным взглядом.

Вечер закончился поздно, вернее, рано утром. Когда слуга провёл меня в отведённые покои, за окном уже стояли серые сумерки, предвещая скорый рассвет. Фон Пален пожелал мне спокойного отдыха, сам же отправился на службу. На мой вопрос, как же он выдержит без сна, ответил:

– Ох, не беспокойтесь. Я привык спать по несколько часов в день. Подремлю на обеде, а потом вечером как-нибудь в кабинете прикорну – вот и весь сон.

Огромная кровать с балдахином и кучей подушек даже немного пугала. Слуга предложил помочь мне раздеться. Но я его поблагодарил и отказался. Сказал, что сам разденусь. Он оставил канделябр с тремя свечами и вышел. Я откинул край пухового одеяла. Не решался даже притронуться к простыне, до того она была белая. Вдруг заметил на небольшом столике толстый том в кожаном переплёте с золотым теснением. Пожалуй, перед сном можно почитать, решил я. Какие тут книги есть? Но кроме этого тома ничего не обнаружил. Уселся в удобное мягкое кресло и раскрыл книгу. В заглавии значилось: «Беседы о братьях – Вольных каменщиках». На титульном листе красовался символ масонов: циркуль с угольником. Неспроста здесь эта книга, – сообразил я. А если мне её специально подкинули? Нет! Ерунда какая-то. Кто мог подкинуть? Фон Пален? А вдруг! Он же состоит в ложе. Я вспомнил, что видел на его руке массивный золотой перстень со странной печатью.

Я слышал, что император велел освободить из тюрьмы одного из деятельных масонов в России – Новикова, а следом за ним и Невзорова. Снял надзор с Лопухина. Облегчил жизнь Татищеву и Трубецкому. Но, насколько я помню, император все же не разрешил возобновлять деятельность ордена Вольных каменщиков.

Раздался тихий, осторожный стук. Я даже сразу не сообразил, что стучат ко мне. Замешкался: кто бы то мог быть? Створка едва отварилась. Прошуршала парча. В комнату проскользнула женская фигура в тёмном плаще. Лицо её скрывал капюшон.

Я вскочил на ноги:

– Кто вы, и что вам надо?

– Тихо! – попросила она, прижимая палец к губам.

Ну, конечно! Софья!

Я отбросил книгу на постель, подбежал к ней. Она откинула капюшон и обняла меня за шею, прижавшись холодной щекой к моей щеке. От неё веяло свежестью апрельского утра, вперемежку с тонким запахом духов.

– Почему вас не было на вечере? – спросил я тихо.

Она отстранилась от меня, взглянула, как на ненормального.

– Я едва вырвалась. Буквально на минуточку. Пока все спят. Вы не представляете, какой ужас творится во дворце. Ни шагу без ведома охраны. Всё по расписанию: завтрак, обед, ужин, отход ко сну, подъём, молитва. Не дворец – сущая казарма. Я сама скоро превращусь в гренадёра с такими жёсткими порядками.

– Так вы удрали, только для того, чтобы повидаться со мной?

– А для чего же ещё? Почему вы такой глупый? Постоянно задаёте ненужные вопросы.

Она рассмеялась. Я подхватил её на руки и закружил по комнате, осторожно опустил на кровать.

– Ах, капитан Добров, что вы себе позволяете? – в шутку рассердилась она. Нашупала рукой книгу. – Что вы читаете.

– Эта книга не моя, – поспешил я её заверить.

– Кто же вам дал сее сочинение? – изумилась она.

– Нашёл томик на столике.

– Эта комната для гостей. Здесь никто не живёт.

– Возможно, прежний посетитель забыл.

– Как вы относитесь к тайным обществам? – вдруг спросила она серьёзно.

– Если честно – никак, – ответил я. – Далёк от всего тайного и загадочного.

– А между тем, – она постучала ногтём по обложке. – Если хотите сделать карьеру, не пренебрегайте возможностью. Вы же знаете, мой отец близок к Новикову.

– Не слышал об этом. – Мне не понравился её назидательный тон. Что-то вдруг переменялось в атмосфере. Чужеродная искра как будто пробежала между нами.

София резко поднялась.

– Мне пора. Не дай бог, нас застанут вдвоём. Простите, но репутация фрейлины должна быть безупречна. Прощайте.

Она выскользнула за дверь, оставив после себя в воздухе аромат жасмина, а у меня странное чувство недосказанности. Что за игра?

* * *

Проснулся я поздно. Никак не получалось открыть глаза. Вставать вообще сил не было. Злясь на себя за лень, я все же вылез из-под пухового одеяла. Нашёл в углу зеркало, под ним столик для умывания. На столике медный тазик, кувшин с водой и полотенце. Умылся. Для меня принесли новую одежду, башмаки со шнуровкой – новая мода, недавно пришедшая из Англии. Вспомнил, что пряжки на обуви высочайшим указом были запрещены. Розовые панталоны с толстыми чулками того же цвета. Розовый цвет я не любил. Синий суконный камзол, с бархатными вставками, расшитый серебром показался мне пёстрым. Я надел его, посмотрелся в зеркало. Не шёл он мне. Лицо обветренное, скуластое. Подбородок кирпичом. Камзол больше подходил для разнеженного модника.

Тут же в гардеробном шкафу обнаружил мой старый военный мундир, одолженный у артиллериста, и потёртые сапоги Жана. Мундир отпарен, сапоги начищены. Не колеблясь, я выбрал второй наряд, уж больно он был привычен. Опять на глаза попала книга в кожаном переплёте. Вспомнил наше вчерашнее краткое свидание с Софьей. Стало немного грустно. Не успели толком встретиться после долгой разлуки, а уже пошло что-то не так. А может мне только показалось?

Слуга провёл меня в светлую, просторную столовую. Фон Пален отсутствовал. Мне сообщили, что генерал-губернатор находится на докладе у императора, и вряд ли приедет до ужина. Пришлось завтракать в одиночестве. Крепкий кофе со сливками, французские булки и крем, взбитый из творога, сметаны и мёда.

Через открытое окно проглядывалась Невская перспектива. Снег оставался только на тротуаре грязными бугорками. Экипажи ездили уже колёсные. Разносчики с коробами важно расхаживали по улице, расхваливая свой товар. Проехал эскадрон конной гвардии, оставляя за

собой кучки навоза. Дворники тут же с руганью принялись убирать «конские яблоки». Откинув занавесь, в столовую врывался весенний холодный ветерок. Чудесно!

Из дома фон Палена я вышел в прекрасном расположении духа. Всё же мне вручили новую шляпу и толстую суконную епанчу, подбитую мехом. Долго упирался, но всё-таки взял у слуги светлые кожаные перчатки. Я направился прямо к замку Святого Михаила.

Строительство шло полным ходом. Стены были облеплены лесами. На подмостях работали мастеровые. Лежали груды строительного мусора. Величественная арка центрального входа уже была отделана серым гранитом. По бокам имитация египетских стел с декором в виде древних доспехов. В ворота въезжали подводы с досками, бочками, строительным камнем. В воздухе стоял запах гашеной извести и горячей смолы.

– Когда завершится строительство? – спросил я у одного из распорядителей работ.

Заметив на мне дорогой плащ и новую шляпу, распорядитель подумал, что я важная шишка, снял свой лисий треух, поклонился и на ломаном русском ответил:

– Доброе утро, гер полковник. Надеемся следующей весной закончить. Скоро начнутся внутренние работы. Крышу почти закончили.

– А царь здесь часто бывает?

– Каждый вечер приезжает. Император очень заботится о замке. В городе прекращены все строительные работы. Весь материал свозится сюда.

– К чему такая спешка?

– Это дело императора. Его детище. Он хочет поскорее увидеть замок во всём великолепии.

Я не спеша прогулялся по Садовой улице до Воронцовского дворца, где нынче по указу Павла была устроена мальтийская капелла. На площади перед дворцом было шумно. Множество карет и открытых колясок. У привязи не менее полусотни лошадей. Все ухоженные, под дорогими чепраками. Эскадрон конногвардейцев в малиновых мундирах выстроился в две шеренги перед дворцом.

Среди офицеров, толпившихся у входа в капеллу, я заметил знакомое лицо. Имени полковника конной гвардии я не знал, смутно помнил его фамилию. Кажись, Саблуков. Он был молод. Ему еще не исполнилось двадцати пяти, хотя уже имел звание полковника. Как все конногвардейцы высок и крепок.

Как не странно, он меня узнал.

– Моё почтение, Добров, – радостно поздоровался он. – Господа, – обратился он к офицерам. – Это капитан Добров. Он с Суворовым участвовал в швейцарском походе.

Меня тут же окружили. Жали руку, о чем-то расспрашивали. Вдруг раздалась команда «Император идёт!». Все офицеры тут же выстроились по обе стороны лестницы и вытянулись в струнку. Я пристроился на последней ступеньке. Из чрева капеллы решительным шагом вышел Павел. На нем, как всегда, безупречно чистый прусский сюртук темно-зелёного цвета с двумя рядами блестящих пуговиц, скромный, без всяких излишеств. На груди голубая лента Кавалера ордена Святого духа. На шее золотой мальтийский крест, украшенный кровавыми рубинами. Белые панталоны. Высокие сапоги с медными шпорами.

Что-то в облике его сильно изменилось. Его лицо. Оно теперь не выражало одухотворённости. Хмурое, озабоченное. Глаза больше не горели дерзостью. Раньше они сияли, как звезды, теперь напоминали две луны на закате, печальные и тусклые.

Фон Пален следовал за императором с важным видом. После вышли Великие князья: Александр и Константин. Следом генералы и высокопоставленные чиновники. Император прошествовал мимо, но вдруг остановился и медленно повернулся в мою сторону. Под его взглядом у меня возникло чувство, как будто я уменьшился и врос в землю.

– Добров? – узнал он меня.

– Так точно, ваше императорское величество! – хрипло ответил я.

Павел обратился к фон Палену:

– У кого он теперь служит?

– У меня, ваше величество, – ответил генерал-губернатор. – В должность ещё не вступил. Только вчера прибыл в Петербург.

– Хорошо, – удовлетворённо кивнул император. – В каком нынче звании?

– Капитан Семёновского полка, – ответил я.

– Мне Константин о вас рассказывал.

– Был моим товарищем в походе через Швейцарию, – подтвердил Великий князь. – Проявил себя как смелый и достойный офицер.

– Да, я читал рапорта. И от Ушакова хвалебные отзывы приходили, – едва кивнул император. – Хочу видеть вас сегодня на ужине.

И зашагал дальше. Ему подали белую лошадь. Император, в сопровождении конной гвардии поскакал по направлению к Зимнему дворцу.

Я не сразу пришёл в себя. Что? Император пригласил на ужин? Меня? Я не ослышался?

– Поздравляю вас! – искренне говорили мне офицеры. – Вам выпала большая честь, – похлопал меня по плечу Саблуков.

– Простите, господа, – растолкал офицеров фон Пален. – Я вынужден украсть у вас капитана Доброва. – Взял меня под локоть и отвёл в сторону. – Какого чёрта вы здесь появились? Я же вам сказал, что сам устраю приём к императору, – зашипел он словно чайник на огне.

– Я случайно здесь проходил, – попытался оправдаться я. – Встретил сослуживцев...

– Что вы не умеете, так это врать с искренним выражением лица, – спокойно возразил фон Пален. – Ладно, добились своего. – Он отряхнул с моего воротника воображаемую пылинку. – Только лишнего не болтайте. Какая у вас тема обращения?

– Хотел поговорить с императором о князе Суворове.

– Плохая тема, – холодно произнёс фон Пален. – Не советую её поднимать.

– Но о русских пленных, что остались у французов.

– Другое дело. Только... Эх... Знаете, что, давайте, садитесь ко мне в карету, я вас инструктирую, как себя надо вести и что говорить.

– Зачем?

– Чтобы вы в Оренбургской губернии завтра не оказались. Садитесь! – требовательно повторил он.

Я уселся на мягкий диван синего бархата. Фон Пален опустил на меня взгляд.

– Пошёл! – крикнул он кучеру, и карета плавно закачалась на мягких рессорах.

– Понимаете, Семён, – начал фон Пален мне объяснять положение дел. – Вы вернулись совсем в другой Петербург. Я вам об этом уже говорил. За два года ваших героических скитаний многое изменилось. Заметили? Даже, казалось, такой упорный, преданный служака, как Аракчеев, попал в немилость. Все меняется очень быстро. Вчера мы воевали вместе с Англией и Австрией против Франции, а нынче английского посла выдворяют из Петербурга. Император желает наладить отношения с мятежным Парижем. Недавних заклятых врагов Павел Петрович вдруг прощает, а преданных слуг вышвыривает в ссылку. Подписано помилование к братьям Зубовым. Вскоре они смогут вернуться в столицу и занимать высокие должности. К чему я все это говорю? Да к тому, чтобы вы понимали: о чем можно разговаривать с императором, а о чем помалкивать. И вот еще что. На вашем месте, я бы попросился на службу непосредственно в канцелярию императора или в охрану. Вы человек исполнительный, с боевым прошлым, с головой – в конце концов. Знаете, что такое дворянская честь. А я бы посодействовал вашей карьере.

– Так сразу? – немного растерялся я.

– Почему бы – нет. У Аракчеева служили исправно. Нареканий не было. Правда, Александр Андреевич вас подставил не очень красиво. Ведь это вы убили полковника Генри

Энглиси. Я понимаю, что вы виноваты отчасти. Но об этом неприятном эпизоде никто уже не помнит. От командующего черноморским флотом – ни одного нарекания в ваш адрес, только положительные отзывы. Великий князь Константин о вас высокого мнения. Проситесь на службу в канцелярию, – настойчиво повторил он.

Карета остановилась.

– Здесь я вас высажу. Отдохните и подготовьтесь к ужину во дворце.

– Большое спасибо! – поблагодарил я генерал-губернатора.

– И вот еще что, – сказал он тихо и грозно. Лицо его мгновенно превратилось в деревянную маску. – Я знаю, что моя дочь посещала вас ночью. Я все знаю. Учтите, Добров...

– Да как вы могли подумать обо мне..., – возмутился я.

– Мог, – прервал он меня. – Если бы я был просто, ваш знакомый, то не посмел бы ничего предполагать, но я – отец этой непредсказуемой мадмуазель. А все отцы очень мнительны. И я – мнительный.

– Уверяю вас, мы только дружески побеседовали. Я постараюсь, чтобы более таких ночных недоразумений не случалось.

– Я вам верю, – с тяжёлым вдохом согласился фон Пален и тут же напомнил: – Павла Петровича вы тоже уверяли, насчёт великой княжны Елены.

Опять эта Елена! Я готов был взорваться. Но фон Пален вдруг усмехнулся:

– Простите, тут уже я сглупил, вспомнив прошлое. Не к месту. Останемся товарищами.

Он мне крепко пожал руку. Карета помчалась к Зимнему, оставив меня на углу набережной Мойки и Невской перспективы.

* * *

Я прибыл в Зимний дворец ровно в указанное время. На мне был все тот же старый артиллерийский мундир. Меня проводили в столовую и указали место.

Ужин проходил скромно. Император и императрица сидели во главе стола. Павел ел мало. Вина пил еще меньше. Великий князь Александр с супругой. Великий князь Константин с супругой. Великие княжны. Немногочисленная свита. На месте Елены Павловны сидела фрейлина Софья фон Пален, прямо напротив меня. Так же присутствовали некоторые генералы и министры. Фон Пален бросал недобрые взгляды то на меня, то на Софью. А что касается Софьи: она держалась смело и спокойно. Отвечала отцу дерзким насмешливым взглядом и иногда пристально смотрела прямо мне в глаза, от чего по спине пробегали мурашки, и я начинал пылать, словно факел. Но её все это только забавляло.

Однако вино было великолепное, не хуже того, что я пробовал в Италии.

– Представляете, с потёмкинских плантаций из Крыма, – поведал мне сосед справа, генерал от инфантерии Михаил Илларионович Кутузов, поднимая хрустальный бокал с янтарным напитком.

Слева умело орудовал ножом и вилкой адмирал де Рибас.

– Видите, сколько апельсинов на столе, – усмехнулся испанец, указывая на фруктовые вазы. – Из Одессы нынче постоянно к столу императора подвозят, в любое время года.

После ужина ко мне подошёл граф Кутайсов и сообщил, что император ожидает капитана Доброва в своём кабинете.

– Помните, о чем я вам говорил, – сказал многозначительно фон Пален, придержав меня за локоть.

В просторном кабинете с высокими потолками царил полумрак. Свечи в канделябрах едва теплились. В камине сонно потрескивали угли. За окнами с тяжёлыми портьерами весенние сумерки: тусклое небо, серый абрис Петропавловской крепости. На огромном столе посреди кабинета возвышался макет замка Святого Михаила. У стола стоял император и внимательно разглядывал макет. Я отрапортовал о себе.

– Подойдите сюда, Добров, – не отрываясь от созерцания макета, подозвал меня Павел. – Как вы считаете, надо ли расширить ров?

– Смотря, для чего он будет нужен, – пожал я плечами.

– Для обороны, естественно. Широкий ров преодолеть труднее. Вы же участвовали в штурмах бастионов. Должны понимать.

– Но по широкому рву можно подойти на малых судах, – возразил я.

Павел оторвался от макета и с любопытством взглянул на меня.

– Верно! Да вы выросли! – довольно произнёс он. – Помню, в Гатчине мальчишкой были, хотя грамотным, но мальчишкой. Что скажите о расположении батарей? – Он показал на маленькие пушечки, расставленные вокруг замка.

– Вполне разумно. Но вот в этом месте, – я указал угол крепости, выходящий на слияние Фонтанки и Мойки, слепая зона. Ни одна батарея этот угол не простреливает.

– Хотите сказать, что именно здесь можно высадить десант?

– Или подкатить осадные орудия и произвести бомбардировку.

– Логично, – кивнул Павел. – Надо соорудить дополнительную куртину.

Он взял две маленькие пушечки и поставил в указанное место.

– Итак, – вдруг переменял тон император. Заложил руки за спину и принялся широкими шагами мерять расстояние от стола до камина и обратно. – Я вас внимательно слушаю.

– Позвольте дерзнуть, – начал я.

– Вы о Суворове?

– Так точно.

– И что вы намерены мне сообщить?

– Он спас армию и честь России.

– Я знаю, – мрачно ответил Павел. Резко остановился, открыл секретер, стоявший у окна, и достал лист бумаги. – Я вам доверяю, Добров. Помните Елену? Мой любимый ребёнок. Без неё мне порой тоскливо. Она так нежно относилась ко мне. С такой чуткой дочериной любовью... Вы были единственным, кого она действительно полюбила, как мужчину. Однако смешно вспоминать, каким вы были тогда мужчиной. Правда, и Елена была сущим ребёнком. Странно, почему я вдруг вспомнил о ней? Но, впрочем, не о Елене сейчас. Я вам доверяю, Добров, – еще раз повторил он, – как честному шляхтичу, как боевому офицеру. Вот, прочтите письмо. Оно от Суворова. Он просит по прибытию в Петербург повсеместно носить австрийский мундир командующего армией Римской империи.

Я прочитал письмо. Действительно, Суворов выражал просьбу о ношении австрийского мундира. И подпись стояла Александра Васильевича.

– Ну, что вы скажете? Австрия предала нас. Я разорвал с ней всякие отношения, а мой генералиссимус подаёт мне такую просьбу: щеголять в мундире врага России. Как я мог поступить? Конечно же, я отменил триумфальную встречу.

Но что-то мне подсказывало, что письмо это не настоящее. Я обратил внимание на бумагу. Уж больно она белая и чистая. Вспомнил, как Фукс доставал из специальной шкатулки листы для писем и приказов. Они у него были желтоватого оттенка и покоробленные сыростью. Этот же лист – явно не из армейской канцелярии.

– Не мог он написать этого письма. Светлейший в походе никогда не носил австрийского мундира. Австрийцев в последнее время терпеть не мог.

– Но подпись-то его? – настаивал Павел.

– Подпись его, – согласился я. – Безупречная. Только Александр Васильевич болел в последнее время. Рука правая еле двигалась. Если Суворов подписывался, то обязательно делал помарки или букву какую скривит. А здесь – твёрдая рука.

– Дайте сюда. – Павел вырвал у меня из рук письмо, подошёл ближе к канделябру с горящими свечами. Внимательно рассмотрел подпись. – Хотите сказать, письмо поддельное?

– Я только предполагаю.

Павел задумался.

– Хорошо! С этим я попробую разобраться. Ответьте мне на такой вопрос: вам известно, в какой масонской ложе состоял генералиссимус?

– Он не мог состоять ни в каком тайном обществе, – твёрдо ответил я.

– Из чего вы делаете вывод?

– По духу своему – он православный. Постоянно молится, соблюдает посты, не носит никаких знаков отличия масонов.

– Может быть, он хорошо скрывает своё отношение к тайным организациям. На то они и тайные.

– Помню на собрании офицеров, в Линдау, уже после похода, произошёл случай. Один из офицеров рассказал, как его товарищ сорвался в пропасть во время перехода через Росшток, но остался цел и невредим, ни одной царапины: удачно съехал по льду и упал в сугроб.

– При чем здесь Суворов?

– Александр Васильевич с негодованием сказал: Знаю я этого офицера. Ему чёрт помог, потому что он франкмасон.

– Хорошо, предположим, что и эти обвинения беспочвенны. А вы, Добров, что-нибудь слышали о полковнике Каховском?

– Полковник Каховский? – Я начал в уме перебирать знакомые фамилии. – Каховский был адъютантом при Суворове, когда тот находился на должности командующего Южной армии.

– И не просто адъютантом, а поверенным во все дела Суворова. А история заключается вот в чем. Советник губернского управления, некий Шетихин, направил донос в тайную канцелярию. Вроде бы ничего существенного: говорилось в доносе о собрании офицеров, где проносили неблагожелательные речи. Да вы сами помните, какое повальное пьянство процветало среди командного состава. Мало ли... Ну, собираются, ну, болтают негодное по пьяни. Но Аракчеев, словно сторожевой пёс, тут же, учуял угрозу. В Смоленск был направлен генерал Линдерн с чрезвычайной комиссией. А Линдерн, помните его, еще тот клещ. И тут выясняется, что готовился заговор по свержению власти и введению в России конституционного правления по примеру якобинской Франции. – Император остановился напротив и заглянул мне в глаза, прощупывая: верю я ему или нет?

– Простите, а можно уточнить: в каком году это произошло? – спросил я.

– В девяносто восьмом.

– Но тогда Суворов уже находился в отставке и не мог принимать участие в заговоре, – возразил я.

– И я хотел бы быть в этом уверен, – мрачно изрёк император. – Но заговор возник не сиюминутно. Его долго готовили. Тщательно разрабатывали. Поймите, Добров, в Смоленске Линдерн обнаружил не просто якобинский кружок пьяниц, то были лучшие боевые офицеры, более двухсот человек. Представляете, какая сила? К тому же следствию очень сильно мешали. А это говорило о том, что нити заговора тянулись в столицу.

– Простите, но я ничего не слышал о следствии.

– Естественно. Оно велось тайно. Впрочем, теперь все детали можно раскрыть. Но фигуры, стоящие во главе, впечатляют. Они хотели меня не просто свергнуть, они хотели меня убить. Губернатор Смоленской губернии, генерал от инфантерии Философов; губернский прокурор Павло-Швейский; предводитель губернского дворянства Потёмкин; двенадцать подполковников, включая Каховского, как самого ярого сторонника мятежа. Они составили документ, декларацию. Она так и называлась: «Цареубийственная декларация». Я вам сейчас покажу протоколы допроса. – Император вновь подошёл к секретеру, отпёр тайную дверцу и

вынул толстую папку с бумагами. Порывшись, он достал несколько листов и протянул их мне. – Полюбуйтесь. На это что вы скажете?

У меня в руках оказался штатный протокол допроса, коих я много повидал, служа под началом Аракчеева.

Ст. NN№ 28. Кряжев: «Полковник Каховский при самом начале царствования Государя имел ПЛАН К ПЕРЕМЕНЕ ПРАВЛЕНИЯ, состоящий именно в том: он хотел советовать графу Суворову рассеять в бывшей его дивизии слух, что Государь хочет все по-прусски учредить и даже переменить закон (то есть веру? – Н.М.). Сейчас бы самый пункт, по словам Каховского, взбунтовать войско. Графу бы Суворову тогда советовал он из важных преступников одного в войске, переодев в новый мундир, повесить вместо присланного к нему фельдфебеля, дабы чрез то войску показать своё отвращение от государственных учреждений и приобрести чрез то их привязанность и тогда, явно восстав против Государя, идти дале, вероятно, к Петербургу, а на пути бы, конечно, все войска к нему пристали...».

В следующем документе было:

Ст. NN№ 33. Алексей Ермолов: «Однажды, говоря об императоре Павле, Каховский сказал Суворову, подавшему прошение об отставке и ожидающему своей участи:

– Удивляюсь Вам, граф, как Вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время, как близ Вас находится столько войск, соглашаетесь повиноваться Павлу.

Суворов подпрыгнул и перекрестил рот Каховскому:

– Молчи, Молчи! Не могу: кровь сограждан!»

– Но из допроса видно, что Суворов никоим образом не желал участвовать в заговоре, – заметил я.

– Почему же он мне не доложил? – спросил Павел. – Он скрыл всю эту гнусную историю, удалился в отставку и ждал, когда произойдёт кровавый бунт? Его любимчики, его фавориты стояли во главе: Каховский, братья Тучковы, Дехтерев, Ермолов, Балк, Репнинский, Сухотин...

Павел, сердито сопя, подошёл к окну и впялил взгляд в ангела на шпили Петропавловского собора.

– Заговорщики были жестоко наказаны. Я не мог поступить иначе, – медленно произнёс император. – Полковники Каховский, Буханов и майор Потёмкин были лишены дворянских и военных званий, сосланы в дальние гарнизоны; пятеро офицеров отправлены на вечное поселение в Сибирь; шесть офицеров – на исправления.

– Но, Ваше величество, Суворов не причастен к заговору. Он честно сражался в Италии и Швейцарии под вашими знамёнами.

– Следствие ведётся по сию пору, – сказал император, пряча бумаги обратно в тайный шкафчик секретера. – Выяснилось, что это не просто заговор. Он охватывал всю Россию. Стали известны собрания мятежных офицеров не только в Смоленске, но и в Дорогобуже, в Калуге, в Орле, Астрахани и даже в Петербурге. Может быть еще где-нибудь, пока следственная комиссия не добралась. И заговор до конца не задушен. Недавно я получил доклад: бунтовщики ждут, не дождутся возвращения Суворова. Хотели его использовать, как знамя, для разжигания недовольства в армии. За Суворовым пойдёт гвардия.

– Но помилуйте, Ваше величество, – удивился я. – Как же Александр Васильевич смог бы принять участие в каком бы то ни было заговоре, если он сильно болен? Его везли в лежащем положении на стопке тюфяков. Порой ему бывало так худо, что приходилось останавливаться в лесу или в степи и ждать, пока он оклемается. Грешным делом, думали, что не довезём до Петербурга. Помню под Вильно мы стали, потому что Александру Васильевичу сделалось совсем худо. Он всю ночь стонал, лёжа на лавке в избе. Невыносимо было слушать его стоны вперемежку с молитвами. Потом он жаловался, что не умер в Италии, ругал на чём свет стоит французов, за то, что они боялись в него стрелять. Лекарь из Вильно, немец опоил его каким-то

снадобьем, и болезнь на время отступила. Мы вновь его уложили в карету и тронулись дальше. Какой заговор? Он мечтал поскорее умереть, лишь бы не мучиться.

Павел покачался на каблуках, задумавшись.

– Печально, – произнёс он. – Второго Суворова мне не найти. У вас от него просьба? Чего хочет князь?

– Он просит о пленных. После разгрома армии Римского-Корсакова в плену у французов осталось много наших солдат и офицеров.

– Да, да, я помню, – недовольно произнёс Павел. – После Голландской компании тоже много пленных. Так, скажите мне, у вас тоже были захваченные в боях французы. Почему Суворов не произвёл обмен?

– Тащить через горы пленных не представлялось никакой возможности. Самим есть нечего было. Мы понадеялись на австрийцев. Но они и не думают об обмене.

– Глупая война! – воскликнул со злостью император. – Прежде всего, я виноват, в том, что позволил себя втянуть в эту авантюру. Всем хотел помочь, а в итоге все меня предали: Австрия, Англия. Пруссия... Но ничего! Теперь мой ход на шахматной доске, и я его подготовил. Такой шах поставлю, что Европа долго не придёт в себя. Идите! – мотнул он головой. – Князю Александру Васильевичу передайте моё глубокое уважение. О пленных пусть не беспокоится: вернём всех.

* * *

На следующее утро я добрался к Крюкову каналу. Дворник мне указал на скромное двухэтажное здание, фасадом выходящее к набережной. Дом принадлежал действительному члену Императорской Российской академии, действительному тайному советнику, графу Дмитрию Ивановичу Хвостову. Меня удивило то обстоятельство, что возле дома стояло множество колясок. Обычно в этом закоулке всегда было тихо и безлюдно. Теперь же – не пройти. Кучера дремали, сидя на козлах. Лошади помахивали хвостами. Двери в парадную были открыты настежь. Я вошёл и увидел множество людей разного гражданского и военного чина.

– Что за столпотворение? – спросил я тихо у лакея.

– Господа желают свидеться с Александром Васильевичем, – важно ответил лакей. – Выразить своё восхищение, припасть к ручке...

– А как сам генералиссимус?

Слуга закатил глаза и безнадежно покачал головой:

– Вот, вчера только бульончик откушал несколько ложечек – и больше ничего. Доктора вокруг него крутятся с солями и примочками, да он их всех гонит от себя. Священника просил позвать. А вы тоже к Александру Васильевичу? – спросил в конце слуга.

– Да, хотел бы его увидеть...

– Позвольте узнать ваше имя.

– Добров. Семён Иванович Добров.

Слуга достал из кармана ливреи небольшой лист бумаги, содержащий какой-то список.

– Ага! – лакей многозначительно поднял брови. – О вас приказано доложить немедленно. – И ускользнул вглубь дома.

Вскоре он вернулся вместе с Аркадием.

– Ох, Семён, как я рад вас видеть, – сказал Суворов младший, пожимая мне руку. – Отец все спрашивал о вас.

Ожидающие аудиенции проводили меня завистливыми взглядами. Я снял шляпу, скинул епанчу. Слуга принял аккуратно мою одежду. Меня встретил грузный пожилой хозяин дома. Лицо у него было мясистое, краснощёкое, всем видом своим выражало дружелюбность. Он носил высокий парик времён Екатерины и красный бархатный сюртук с орденом Святой Анны.

Я представился.

– Очень хорошо! – сказал вкрадчиво Дмитрий Иванович Хвостов. – Но помните: никаких разговоров о войне! Он очень слаб. – Дружелюбное лицо состроило скорбную гримасу. В уголке глаз блеснули слезинки.

– Не буду, – пообещал я.

В покоях стоял едкий запах лекарств. Окна были наполовину задёрнуты тяжёлыми портьерами, так что дневной свет едва проникал в помещение. В лучах игриво кружились пылинки. У противоположной стены от окон стояла большая кровать с пологом. У кровати низкий столик, заставленный кружками, склянками, тарелочками. Низенький полный доктор в потёртом фраке, на носу очки, сидел подле кровати. Тут же застыли двое слуг, в любой момент готовые броситься по поручению. Под тяжёлым пуховым одеялом еле угадывалось тело. На подушке я увидел маленькую голову Суворова. Черты лица его заострились и пожелтели. Не голова, а череп, обтянутый пергаментом. Глаза ввалились. Граф Хвостов мелкими осторожными шажочками подошёл к постели.

– Александр Васильевич, – позвал он. – Александр Васильевич, пришёл Семён Иванович Добров.

– Да я уж чую, – неожиданно громко ответил больной, – Солдатским духом понесло. Добров, подите сюда. А вы, все, голубчики, покиньте нас.

– Но, как же, Александр Васильевич? – забеспокоился Хвостов.

– Да не помру я за пять минут. А разговор у нас с Добровым конфиденциальный.

– Что ж..., – пожал плечами граф и замахал руками на слуг и на доктора: – Живо! Живо в коридор!

С жёлтого пергаментного лица на меня смотрели острые живые глаза.

– Что рот раззявил? Выгляжу плохо? – попытался сострить Суворов.

– Нет, – мотнул я головой и подошёл ближе.

– Брось ты. Сам знаю: похож на мумию. Садись, рассказывай. У царя был?

– Был. – Я присел на краешек стула, там, где только что сидел доктор.

– Ах, запах от тебя какой славный. – Он жадно втянул ноздрями воздух. – Мундир старый, весь порохом пропах. Сапоги, дёгтем начищенные. Ко мне приходят все эти франты, да дамы плаксивые. От них несёт духами – опротивело. Так что там с Павлом Петровичем, – спохватился он.

– Доносы на вас кто-то пишет.

– Немудрено. Доброжелателей у меня, что у собаки блох.

– Император зол на вашу просьбу носить мундир австрийского фельдмаршала.

– Так что здесь такого? Я же просил разрешения носить только на приёмах у себя в доме. Впрочем, это теперь не важно. Какой мундир? Я к ночному горшку сам встать не могу. Все бока отлежал. До чего же противно быть беспомощным. На что еще разгневан император?

– Следствие ведётся по делу Каховского. – Я вкратце пересказал нашу беседу с Павлом. В конце добавил, что кто-то донёс об участии Суворова в готовящемся восстании.

Генералиссимус долго молчал. Потом обиженно сказал:

– Вот, глупость-то какая. Разве я желал когда-нибудь зла России? Разве я желал зла государю? Всю жизнь отдал за землю родную. Никогда не нарушал присяги. А меня в таком обвиняют... Знаешь, что я тебе скажу, Добров: убереги государя.

– От чего? – не понял

– От змеи, что он пригрел на груди. Чую я, кто вредительством занимается. Он же письмо моё подправил. Экий подлец!

– Кто же?

– Не догадываешься? Фон Пален.

– Не может быть! – замотал я головой. – Он денно и ночью заботится о государстве.

– Помяни моё слово. Никому, никогда этого не говорил, но тебе скажу: Павел – величайший государь. Жаль, что править ему недолго. Не перебивай! Я знаю, что говорю. Пред вратами смерти многие тайны открываются. Начинаешь видеть то, что другим не понятно. Если бы Павла Петровича окружали люди, преданные ему, если бы он не отталкивал тех, кто ему верно служить готов, то смог бы он поднять величие России. Екатерининские золотые времена показались бы жалким веком прозябания. Но он этого не сделает. А жаль! И времени у него осталось мало.

– Вы же его недолюбливали.

– Я и сейчас его не люблю, – честно ответил Суворов. – Но кто за ним? Безвольный Александр или трусливый Константин. Зверь проснулся в Европе, и скоро он захочет крови. Французских маршалов я бил, и ни разу не был битым. Но среди моих противников не было Наполеона. Он герой, он чудо – богатырь, он колдун! Кто его усмирит? Рано или поздно захочет этот зверь покорить Россию. Павел Петрович правильно говорил: России надобно отдохнуть от войны, сил набраться. А мы все лезем: то за Дунай, то в Италию, то в Голландию...

Он ненадолго умолк, тяжело прерывисто дышал, затем вновь заговорил:

– Ты, иди, Семён. Господь с тобой! Помни, что я тебе сказал. Будь честен и не изменяй присяге. Передай императору, коль вновь увидишь его, огромную мою благодарность за заботу о солдатах наших пленных. И пусть простит меня, ради Христа. А фон Палену не верь, – добавил он мрачно на прощание.

* * *

От Суворова я тут же направился к фон Палену.

– Мне нужно еще раз увидеть императора, – потребовал я.

– Одного приёма было недостаточно? Вы все равно не смягчите гнев Павла Петровича относительно генералиссимуса Суворова. Потом, и сами попадёте под горячую руку. Хотите лафиту?

– Спасибо, но я, пожалуй, откажусь от вина.

– Как знаете, – пожал он плечами. – Я бы не советовал вам уж очень рьяно добиваться справедливости, пока вы сами не достигли высокого чина. Поймите, Добров, справедливости, как и Рая не нужно искать на земле. Я же советовал вам попросить у императора должности. Вы этого не сделали. Пришлось мне за вас хлопотать.

– Спасибо, конечно... Но не стоило.

– Думаете, я за вас хлопочу, потому что вы мне очень симпатичны? – Фон Пален тяжело и протяжно вздохнул. – Дочь меня уже извела. Давно бы ей нашёл хорошую партию. Но она не хочет ни оком слушать.

– Но, погодите, – возразил я. – Мы с ней не виделись два года. Она мне даже не писала.

– Писала, – уверенно сказал фон Пален. Нехотя потянулся к сейфу, достал пачку конвертов, аккуратно перетянутых ленточкой, и швырнул на стол. – Вот. Здесь их не меньше сотни.

– Но почему?

– Потому, что я отец. Простите, но я хотел лучшей судьбы моей дочери. Берите. Читайте. К конвертам я не притронулся. Какой смысл читать старые письма? С Софьей я могу и без того поговорить. А поступок фон Палена мне показался бесчестным, пусть он и отец.

– Разрешите идти?

– Идите. Жду вас на ужин. И не стройте из себя обиженного Ромео. Думаете, мне легко в роли сеньора Капулетти?

* * *

Вечером в доме генерал-губернатора пришло несколько гвардейских офицеров. Некоторых я знал раньше. Среди них князь Яшвилль. Играли в карты, хотя карточные игры были строго запрещены. Сам фон Пален задерживался на службе. Мне предложили составить партию, но я отказался, так, как не силен был в карточных играх. Спасаясь от скуки, я вышел освежиться

на улицу. Вечер стоял ясный, ветренный. Пыль вихрями носилась по улице. С Невы веяло уходящей зимой: с Ладоги пошёл лёд.

В дверях я столкнулся с мужичком. Низенький, бородатый в длинном армяке. Несуразный какой-то, может убогий. Обычно такие на папертях толкуются, милостыню выпрашивают.

– Здравствуйте, барин, – поклонился он, снимая шапку. Голос у него был ненатурально высокий, да и сам он казался каким-то не настоящим.

– И тебе того же, – ответил я. – Ты по какому вопросу и к кому?

– Я к губернатору, – сказал мужичек, стараясь говорить басом.

– К губернатору? – удивился я. Неужели к фон Палену могут вот такие убогие запросто заходить?

В это время из-за моей спины выскочил лакей и странно вежливо пригласил мужичка пройти в дом, при этом расплылся в такую милейшую улыбку, что мне стало противно. Может, колдун какой-нибудь или знахарь? – подумал я. – А возможно из соглядателей. Фон Пален нынче еще и полицию возглавляет. Я пошёл по своим делам, тут же забыв о странном мужичке.

Вернувшись с променада, я заметил оживление в собрании. Офицеры забросили карточную игру. Все столпились в круг и о чем-то оживлённо беседовали.

– Позвольте, господа, я вижу юного героя, прошедшего с боями пол Европы, – послышался мелодичный женский голос. Слова относились к моей персоне.

С мягкого кресла, из середины круга, грациозно поднялась Ольга Жеребцова. Офицеры расступились. Ольга, как всегда, была великолепно, со свежим румяным лицом, в скромном, но элегантном платье; украшения подобраны с безупречным вкусом. Я подошёл, поцеловал её миниатюрную ручку, затянутую в жёлтую шёлковую перчатку.

– А вы возмужали, – произнесла она с едва заметным восхищением. – От того провинциального мальчика мало что осталось.

– Вы же нисколько не изменились. Все так же напоминаете цветущую лилию в саду Афродиты, – выдал я первую, попавшую на ум, глупость. Но Ольге моя глупость понравилась.

– Александр Васильевич рассказывал мне о ваших подвигах.

– Помилуйте, какие подвиги? – смутился я. – Таких героев у Александра Васильевича полная армия. – А когда вы пришли? Я не заметил вашей кареты у подъезда?

– Дык я – пёхом, – пробасила она, точно так же, как тот несуразный мужичок.

– Так это были вы? – изумился я.

– Приходится переодеваться, – засмеялась она. – За мной ведётся строжайший надзор.

– Что же вы такого сотворили? Прошу извинить меня за бестактный вопрос.

– Родилась в семье Зубовых, – уклончиво ответила Ольга.

В зал тяжёлой поступью вошёл фон Пален, привлекая всеобщее внимание. Поздоровавшись со всеми, растерянно сказал:

– Господа, твориться черти что!

– Что же случилось? – поинтересовался майор Яшвиль.

Прежде, чем объяснять, фон Пален оглядел собравшихся, чтобы убедиться: всем ли можно доверять. На мгновении задержал взгляд на мне, но всё же сказал:

– Сейчас у императора проходило долгое обсуждение. Говорили об участии наших пленных. Прибыл представитель Франции от первого консула с предложениями выкупа или обмена. Но царь заупрямился. Сказал, что он – император и по праву не может вести переговоры с человеком без рода и звания.

– Так он отозвался о Наполеоне? – попросила уточнить Ольга Жеребцова.

– Именно о нем. Но пленных наших надо выручать. Министры предложили несколько решений, но государь их все отверг, а придумал следующее: велел написать письмо. В письме он предлагает первому консулу объявить себя императором Франции. А раз уж Папа Римский в его власти, тот и уговорить понтифика венчать его на трон. Тогда кто пойдёт против воли

Высокопреосвященства? Бурбоны изжили себя, так почему бы не объявить о новой династии королей Франции?

– И тогда Павел может говорить с Наполеоном на равных, – высказал предположение генерал-майор Беннигсен. – Интересно!

– Наполеон на такое не пойдёт, – замотал головой князь Яшвиль.

– Это невозможно, господа! – уверенно сказал генерал Беннигсен. – Зачем же нужна была революция? Народ не примет нового императора. Император, возглавивший республику – что за бред?

– Наполеон прислушается. А возможно и последует совету, – твёрдо возразила Ольга Жеребцова.

– Вы уверены? – засомневался фон Пален.

– Сначала он разогнал директорию и вошёл в совет трёх консулов, затем объявил себя первым консулом. Почему бы не стать императором Франции?

– Видите в этом угрозу Европе?

– Наш император сделал очень мудрый ход, – продолжала она. – Вся Европа уже сколько лет борется с якобинством и французским вольнодумием, а здесь все оказалось намного проще: главный противник монархии становится монархом. И конец всему: якобинству, вольнодумию, конец революции. Сама идея французского восстания и передела формы правления становится несостоятельной.

– А как же народ? – напомнил фон Пален. – Тот самый народ, который рушил Бастилию, отрубал голову Людовику, распевал Марсельезу, воздвигал Деревья Свободы?

– Народу нужен хлеб. А во Франции после долгих войн и бездарного правления Директории его не всем хватает. С Деревя Свободы плодов не нарвёшь. С Марсельезы сыт не будешь. Кто даст хлеб – тот и будет властвовать над умами народа.

Офицеры заспорили, начали выдвигать свои предположения. Меня кто-то схватил за руку и потянул в коридор. По одному прикосновению, я узнал Софью. Оказавшись в полумраке коридора, я хотел её обнять.

– Тише! – коротко попросила она и потащила меня куда-то вверх по узкой лестнице. Мы нырнули сквозь низкую дверь и оказались на антресолях библиотеки. Сюда едва проникал свет вечерних уличных фонарей сквозь единственное окно, задёрнутое тяжёлыми портьерами. Кругом шкафы, заполненные книгами. София усадила меня на низенькую табуретку, рядом села сама и жестами потребовала, чтобы я затаился. Антресоль нависала над читальным кабинетом. Сквозь массивные дубовые балясины был виден край стола со стопкой газет.

Я ничего не мог понять. Зачем она меня сюда привела? Что случилось? Что здесь должно произойти?

Вдруг, внизу дверь скрипнула на петлях. Вошёл фон Пален с подсвечником в руках. Следом за ним Ольга Жеребцова. Он пропустил её в кабинет и плотно запер дверь. Свечу поставил на стол.

Мне показалось наше положение не совсем приличным. Я не желал подслушивать чужой разговор, сделал попытку подняться и уйти, но Софья, как клещ вцепилась в моё плечо и удержала.

– Вы уверены в этом мальчишке? – строго спросила Ольга. – Я очень рискую, приходя к вам. А если он меня выдаст? Вы помните, что сотворил ваш подопечный два года назад.

– Ну, тогда он служил Аракчееву, – безразлично ответил фон Пален. – Где теперь Аракчеев? Кто на его месте?

– Где сейчас полковник Энглиси? – съязвила в свою очередь Жеребцова.

– Дураком был и дураком помер ваш полковник Энглиси, – усмехнулся фон Пален. – А Добров, – я вздрогнул, услышав свою фамилию, – очень даже может быть полезен в нашем деле.

– Объясните: почему Павел так ему благоволит?

– Разве поймёшь императора? Он легко приближает к себе людей, и так же легко удаляет их. Добров... – Фон Пален развёл руками. – Любимчик Фортуны. Я же помню: когда он попал в Гатчину, Павел в первый же день его поставил командовать батареей. Мальчишку из Новгородской глуши, без образования, без связей – и командовать батареей. Что же это, как не проделки Фортуны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.